

наталия черных московское поле

Наталия Черных

МОСКОВСКОЕ ПОЛЕ

книга стихов

2004 - 2005

РУСАКОВСКАЯ

Мартовский над Русаковской снег, Иверской тёмный шатёр. Птицам подснежным вслед -Смотрит, идёт вахтёр.

Взор — молодой вороной. Крошечной альфой — я! Йотой огнеупорной в пекле полурая.

Стены с домашней негой тают. Недалеко — ночлег. Напополам с омегой: над Русаковской — снег.

НОЯБРЬСКОЕ 1998 ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕТЕРБУРГ

Отъезд

Позёмка шла по льду крепкому, в вагоне было тепло. Чай в термосе пах сурепкой, девятое было число. День маявшись, замерзая (В вагоне было тепло!), поверила, что из рая пришло бытие — тепло, и зданья: кирпич, стена — это тёплых морей волна.

После вечерни в Лавре

Дно минувшего. Лисья шуба, пух кошачий над ликом кротким. На скамейке сидит голуба, возвещая покой короткий.

Задрожал язычок лампады, под стеклом озаряет — кровь. Ненаречием: очень рады и прости к тебе нелюбовь. За любовь, несущую стены, на житейский холод — ответ. Узнаваема и нетленна любовь, несущая — свет.

Там где свет, однозначно — тени, тени маленьких голосов. Семена восходят растений на обеих чашах весов.

Водянистый, неясный, вещий поднимается огонёк. Время бытия — счастье вещи, но владеет временем — Бог. Речь — не в символах, откровенно: не монахиня, не платок. Время озимью сокровенно, но владеет временем — Бог. Та, что тихо сидела рядом, отошла лицом на восток. Бытие: над хлебом и ядом, освящён бытия исток

Свет и пламя — одна лампада, там, где писанный образ: князь. Дно минувшего, тени сада:

бытия непрозрачна бязь.

Или рядом — уже не мама, прежде: мама была — моя? Через дно минувшего — рана в день взыскания бытия.

Кровля будущего! Приветствуй мою крохотную постель. До скончанья живи, не бедствуй. Здесь попытка стоит, как цель.

Кровля будущего! Оттуда, за границей родного пекла. Где клубится моя простуда, красота моя не поблекла,

предваряющая меня в зеркале последнего дня.

Никогда ничего — просила. Помолилась за день простой, когда вся вселенская сила прибежит ко мне на постой. Когда сил у меня не будет: гнать вселенскую силу прочь, но вернутся, смешенье судеб завершая, неделимые день и ночь.

Остальные подобья рая называются просто: ложь. Я о рае земном не знаю, он на Царствие — не похож. В день, когда мне вернётся кожа, звёздной картой родимых пятен, Ты придёшь ко мне, всех дороже. Голос Тятин и Облик Тятин.

В темноте житейских наитий вёл Госполь золотые нити.

ПАМЯТКИ

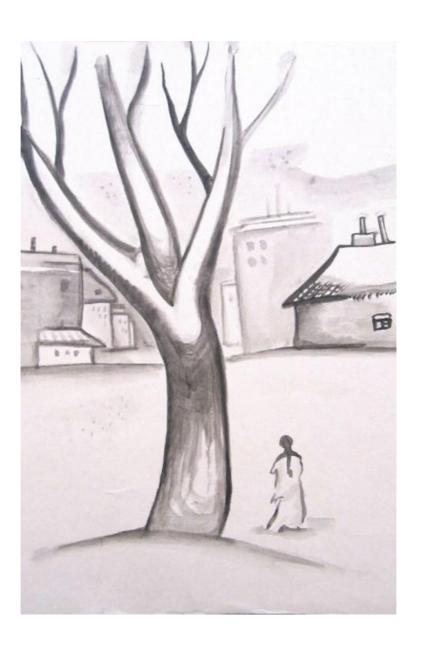
МОСТ НА НИЖНЕЙ КРАСНОСЕЛЬСКОЙ

стеснённое сердечко не шевелит уснувших мостовых.

трамвайный дребезг над мощами шпалы и рельсы тоже мощи

пейзаж весь из мощей

Кленовый прут листочком смотрит сквозь брусчатку.

СОЧЕЛЬНИК

Я слыхала, как душа душу утешала. «Было – слово: когда откроются Двери Рая, ты войдёшь — вторая».

Перекрестье Остоженки после умещается в семь пригорков. Шёл бульвар, переулки — возле. Двухэтажные стенки-шторки. Над Пречистенкой и Волхонкой встал Сочельник радугой тонкой.

Стены — как ноты распева: Сарра, Ревекка, Рахиль. Дева и с нею Ева; сшила бы эпитрахиль.

Это лучшая детская часть: не скупясь. Это вся материнская власть: не глумясь.

Вдоль бульвар - показался выстрелом: велико тишины попечительство. Вьюга небом пришедшим выстелит доски Божьего домостроительства.

ПЕРЕКРЁСТОК СТРАСТНОГО БУЛЬВАРА И ПЕТРОВКИ

Тонких лип стволы, скамеек спины. Встречи — мимо, разговоры — мимо. В очи — солнце. Рушится вселенная. Местность называется: Нетленная. Поднимается бульвар Страстной, где зима срастается с весной.

Воскресенье: ветошкой — на мир. В ветошке – тепло, и свет из дыр. Слева приближается Петровка. Надписи — терпенье и сноровка. На обед: возвышенно и просто, строилось церквушкой у погоста.

Мамы дочерей всегда зовут. У детей — божественный приют. Мамы! Ваши дочери — как свет, даже если их одежды — нет. Поминанья верный телеграф умягчит и самый строгий нрав.

«Нет того, что слегка! Сколько любишь — века, Чем живу — глубиной всех, кто рядом со мной».

Нам по правую руку — Петровка. Кофе маленький, артподготовка. Обновленье приходит к земле, словно яблоне — в доброй золе. Словно яблоне — в нашей золе.

Белым-белым на тёмном столе.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

(административная элегия)

Ваше Высочество, губернатор Москвы! (Здесь кончается шапка документа и начинается обращение). Пишу Вам с просьбой, со слёзною просьбой.

Ваше Высочество, губернатор Москвы! (В исковом документе дано подробное изложение вопроса). Прошу: избавьте Ваш город и Вашу страну! (Истица излагает события). У них множество дыр и одно оправдание: их никто не любил, а их жертвы прощали им всё. Знаю, что избавления не состоится, но всё же пишу, потому что верую Богу и Вам.

Не хватает любви и смерти, должна. (Истица продолжает излагать события). Прожила бок о бок большую часть жизни с гулящими бабами и торчками, с разного вида предателями и ворами. Ваше Высочество! Не хватает любви и смерти. Они...

Да что там.

Ваше Высочество, Губернатор Москвы!

Прошу завершения. Хоть какого-то. Невозможны надолго ... Да что там.

Так живёт Вавилонская печь. Засим остаюсь искренне ваша, и жду разрешения.

Русская, православная, имя.

ТИШИНКА

До песчинки растёртая — временем, под защитою маленьких крыльев, в питие обнаруженным кремнием слово «Ты» с воробьиным усильем.

Ах, зачем это «ты» суеты, Лучше спрятать местоименья. Молчаливой полны чистоты Обречённые сносу растенья.

Дело в этой простой тишине, А не в комнатах с запахом рыбы. Так Христос на небесном слоне Вёз в Москву милосердия глыбы.

Бытия продолжалось теченье в неминуемых весях Тишинки. Золотое велело реченье стать белее и легче пушинки.

Провожатый и верный Хранитель! Отражаешься в каждом прохожем. Человек, Божество и Спаситель, Дивный Господи, ближний мой Боже!

Там, где южных речей отпечатки, там, где тесно живётся строеньям — обученья приносишь начатки. Ты ведёшь – сквозь века и ученья.

Торговаться, ценить, извиняться, раздавать, обо всём забывая: как ужасно с землёю сливаться, душу, словно овцу, забивая.

Стен и окон прошедшие лица, отпечатки московского мела. И подножье Твое — то столица, Ты, кого я обидеть сумела.

кольцо

КУЗНЕЦКИЙ МОСТ И РЫЖИЙ ДВОРНИК

Уборщик улиц, рыжий воробей, ютился в бриллиантовой квартирке. Жильцов там — семь; и каждому — налей внимания; по горло, без придирки.

Возвышенное «ты»! Не отражение, но тайное Преображение. Вместилище печалей и обид взглянувши в сердце, поменяло вид.

Теку по ланитам Моста. Покраска — проста и чиста! С опаской идущая — свыше. Внимаю, вникаю и слышу. Мы стали — озимым побегом. Слова показались мне — снегом. Ладейка из замши моей в волнах стихотворных морей. Не страшно ли: дворник с Лубянки? Московских названий подранки. Свершили свой круг жернова. Мне снегом казались — слова.

Изящные стенки теснятся: которая выступит власть? Не хочется с вами расстаться, мне хочется вас целовать.

Зрачка городского хрустальность: мне нравятся скатики крыш, запыленных окон зеркальность и перекрытий камыш.

Внутри: мировое пространство! Внутри — половина Москвы. Всевышняя вещь: постоянство, к ней все обращенья — на «вы». Ушедшие! Капельки в речке. В Серебряном вашем Бору печаль рисовала сердечки, и ветер гудел на юру. Но рыжих лучей переулок в пылинках с извечной метлы, хребет у перилец сутулый — внесли юный прутик ветлы. Я жаждала всех воскресенья, и ты —

будто образ с него. Я жаждала просто спасенья: от лжи, от всегоничего.

Четырежды времени года.
Зима: звукозапись и гости.
Весна: ароматна погода.
Сгоревшие в лето — не кости.

Лет осень: то зодчество высшее! Из дворницкой притчи понятней. Но зодчество мира: ты слышишь? поэзии невероятней.

Прощай, последняя любовь! Ты хороша как божество и власть. Ты милосердна, причиняя мне не боль, а боли часть. Прощай и юная любовь, мы встретимся потом, уже не здесь, не за одним столом, за времени стеклом, за времени витриной. Мы станем каждый — со своею половиной, необъяснимой. Прощай, мой братец, рыжий дворник! Здесь снег идёт покорно, здесь основное пространство тянет вверх печальный грохот, вроде огненных карет. Здесь арка — словно каска надо скатом. Внизу — любой покажется солдатом.

Я видела как будто птицу, плетясь едва по старенькой брусчатке вверх по Кузнецкому Мосту. Я видела: душа как птица рыжая, обиженная и бесстыжая, хоть платья старого нет в гардеробе лавно.

Душа прошла в созвездии Стрельца, ручонкой шевеля в руке Отца.

СРЕТЕНЬЕ

Морозный праздник Сретенья свят! Солнышка свеча. Москва! Светил обретенье, где веточка луча.

Варваркою, закованною в панцирь ледяной — душа. Не мной дарованная, брошенная — мной.

Ильинкою нарядною: прозрачный сумрак стен. Ты не была парадною, жила ты — не затем!

Морозный праздник Сретенья! Рожденье янтаря. Мне по сердцу: обретенье исхода января.

ВОРОНЦОВО ПОЛЕ

1 ПОДСОСЕНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Навстречу вам, особнячки — молоденьким вахтёром. Проулков небольших скачки в чеканке с мельхиором.

Обед, кофейня: «Джалтаранг». Дорогой — наблюдая и званье стен, и стенок ранг, и сочетанье — рая.

2 Трёхстишия

>

Здесь увлекает, будто бы в полёт неведомый, плавное объятие пространства.

*

Прочь вырваться душа не может. Душа по времени скользит: с Воронцова на Покровский, и далее — на Чистопрудный.

*

Яснее стало грядущее, окутанное строительной дымкой, чуть отпустила петлю с прошлым связь.

Не много сил, не много помощи. Но есть глаза, душа и голос. Чтоб стать из придорожной овощи растеньем, приносящим колос.

Зима: скользят подошвы вниз, по долгому скату: к Яузе. Метёт позёмка, жжёт лицо мороз. Где верх, где низ, где остановка — непонятно!

Всем благодарна, всем — огня! Всем, кто запомнил меня. Всем говорю с той стороны стекла зеркального: вам — света и тепла!

Весна: в атласе цвета радости и в чёрных кружевах. Спешила сочинять, изображать, встречать. Как будто бы последний год жила я на земле.

Я благодарна: верьте — всем! Всем душам — именам поэм, воссозданных из тьмы не мной, делившим зной и холод — мой.

Шло лето: плавился песок. Кромешное тепло стекало каплями с листвы у деревянного строенья, тревожа высохшие тени. Погода: солнце-клёш.

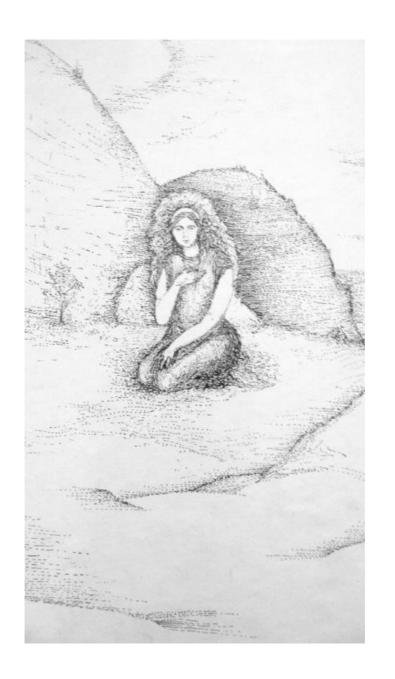
Необходимо: всех принять, необходимо всех понять. Смириться, чтоб найти ответ: необходимости — нет! Шла осень: в чёрном замшевом плаще, на мушкетёрских каблуках. Несла упрямства шпагу и желанье обновленья.

4 ДОЖДЬ

Простое «ты» стремится к «вы». Друзья в одном венке со мною! Но «мы» — венцом для головы, чужое холоду и зною.

Бульвары все — как в письменах о лучике впотьмах.

Вернёмся ли туда? И кто из нас вернётся? Не рассказать, как Благодать даётся.

БОЛЬШАЯ ЯКИМАНКА

Чайная турецкая, лоскуток картины. Стопочки — как сани масленицы длинной.

Не нашёлся брошенный дом, чтобы жить в нём. Летел Якиманкой, наполняясь весенним огнём, поминальный листок с фоторамкой.

Серебряковские строенья: изнаночка чудесная видна. Низины вашей не изведать дна. Я верю вам; вы — образ воскресенья.

Девушка с луной и виноградом! Ноябрьское тепло выходит рядом. Здесь пили чай с турецкими сластями. Здесь были мы, хозяева, гостями. Здесь все Серебряковские дома вовек не обратит в геенну тьма. Здесь новости строительных баталий пока ещё следов не оставляли. Здесь мастерская — полотном без рамы, тогда казалась мне преддверьем храма.

Заученный ритм жития: чашка, иголка, ботинки. Малейшая нот статия струной вызывает картинки.

А я, ещё не понимая: что быть могло, то не гнетёт, всё думала: по саду рая не Херувим, а вол идёт.

Мой гроб волновался как зыбка. Пел альт. Мне подумалось — скрипка.

ПРЕСНЯ СОЛНЕЧНЫМ ДНЁМ

Мне здесь плакалось и спалось как за пазухою в ладони. Бытия повернулась ось без условий и анатомии.

Белые голуби да красная стена, дворики — один поверх другого. Путь до Белорусской — я одна. К Баррикадной — никого иного.

Липы в переулках, тени в маленьких ларьках. Липы небо обнимают. Мне по сердцу: то — восторг, не страх. Мне по сердцу: слов не понимаю.

Мой автобус, по числу рожденья — поперёк Садового, под выстрелами лучиков. Поперёк дыханья — вдохновенье: видеть всех соседями попутчиков.

ОТ АЛЕКСЕЕВСКОЙ — К ПРОСПЕКТУ МИРА

Летит крыло светло и прямо Крестовского моста.

Троллейбус мой встал перед Банным: приветствую ожиданье! Пешком — по обочинам странным, вне времени и расписанья.

Шла, видела на плёнках дней минувших — стопки книг, меня кормивших; книг, не лишних и никому не нужных, как я. Играя с мартовскою стужей, отродье дикаря, вверху шёл ветер: влажный, южный, финалом января, транжиря дорогой досуг.

И вдруг...

— Вы не знаете, почему легендарный книжный рынок закрыт?

Мучительный разлом весны, тебя благодарю! Не плачь, о сердце! Видишь — сны, я их тебе дарю.

От пристани страниц по морю благодати чудесно плыть. Назад страницам не впустить, что так легко растратить.

Не плачь о том, что возвращенья в книги нет.

САДОВОЕ КОЛЬЦО

Через Кудринскую, Чкалова, поперёк Воронцова поля, шла вселенская детская жалоба и ни в чём не нашла покоя. Она шла, год от года легче, засыхая и заостряясь. И вселенское горе мечет копья в мир, ни с чем не смиряясь. Но увидев тело и имя, но увидев — тотчас сгорела в самом центре ноябрьской стыни, и замёрзшие руки согрела.

На Каретной, согласно сказкам расположенной в центре мира, не нашлась для скорбей развязка, лишь под лестницей — не квартира..

Триумфальная простиралась как могла, увлекая славой, только я всё лето каталась по следам своим — не управой. И венцом розыскного дела стала мысль, как вода простая: что, узнавши Имя и Тело, даже я могу быть — святая.

Ближний мой, среди многих судеб о моей судьбе не забывший, мне, живой: ни небу, ни людям — Человеком Себя напишет.

Ближний Боже мой, старший брат, музыкант, художник, писатель! В чашке будто души карат: не продать его, не растратить.

Там из я проросло: семья, неизветный народец малый. И любой из нас — тоже я, будто жизнь началась сначала.

Где Смоленский бульвар лазурный во второй половине лета, и зимою, под снегом бурным — мир лежал небесного цвета. То что видела я, казалось то ли городом занебесным, то ли звуком тонким свивалось: оживляющим и воскресным. Только шёл троллейбус — как время. Я то мёрзла, то обжигалась. Снег лежал на цветах сирени, а зима уже состоялась.

За меня — любая природа, против — признаки измененья. Вышло тело крестного хода: совершенное воскресенье.

Ожиданье полной победы на земле — будто снег в ладони. Стены победителей седы, а металл их протяжно стонет. Принимая все возраженья, признавая себя виновной, на суде почти что — спасенье только в маленькой связи кровной. Не мистической и не книжной, и совсем не родственной даже. В связи, очень даже подвижной и такой незаметно важной.

До свиданья, Ближний Боже! Я прощаюсь, зная наверно, что меня покинуть не можешь.

КРЫМСКИЙ МОСТ

1 КРЫМСКИЙ МОСТ ЛЕТОМ

Чужой, идущий над водой, в растёртой охре пыльной, смотри: вот водопой у набережной длинной.

Чужой — пока, и я — как ты. Меня не забывают исчадья летней наготы, среда почти простая.

Не похвалю свою нищету, влюблённая в недоброту, лишь — нехотя — подмогу.

Здесь холст и краски положу к ногам, и кожу заслужу на вечную дорогу.

Иду — легка — без этюдника, видением и былью. ...Так отчуждение моё покрылось пылью.

2 КРЫМСКИЙ МОСТ ЗИМОЙ

Купол ветра над мостом, всё прочее — потом.

Шли военные: сукно обмундирований. Был девятый день луны, сотый год кампании. Шли военные с войны: поздравленья — пешим. Чтоб священный мир весны в холода утешил. Шипка! Севастополь! Там, в Крыму и на Балканах шли военные с войны — в храм, ступени храма.

Боже, храни Президента! Услышь меня, на русском языке европейскими стихами.

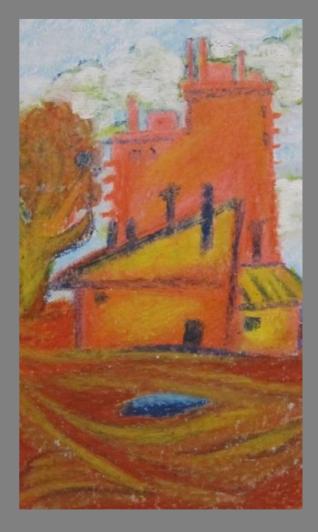
Боже, храни Президента! Чтобы военные купили платья и розы любимым. И тогда женщины перестанут плакать.

Как тело — под крылами ветра; отказывали ноги. Известна только часть вселенского ответа на все вопросы — поздние дороги. Мост опустел: блестящий и немой. Но я-то приходила, как домой. Здесь летом пахло краскою и кожей; и не было вещей, друзей дороже.

Боже, храни Президента! Чтобы старуха не умерла в троллейбусе, а старик не мучился жжением в почках. И тогда мальчик сломает головоломку.

Боже, храни Президента! И тогда смягчатся взоры наёмников, они перестанут думать, что я ненавижу их.

Узнаю москвичей по глазам, по руками, по шагам. По любви, со времён покоренья Крыма. Шёл ветер, необъяснимо тяготея к незавершённым кругам.

СЕВЕРО — СЕВЕРО — ЗАПАД

ТВЕРСКАЯ ЗАСТАВА

Булочная — луч к Полям Ямским. Пища — хлеб, небесным и мирским. Миллион — копейке в чашке чайной слишком на морозе не случайной. Улица — ледник: цветы и камень, на изнанке — тоже лёд, и пламень.

Беспомощности нет, есть — свет: на все смущения ответ. История! Свою не знаю смерть. Но слышала, что в небесах есть Твердь.

История! Звенигород — как часть того селенья, что не осязать. Ни стен его, не запаха, ни света. Звонок для адресата — как победа.

ОТТЕПЕЛЬ: СЕЛЕЗНЁВСКАЯ

Все понятья — как быть должно, но там, где было всего звено, слетев с верхушек у Окружной — ветер, пахнущий весной.

Кто услышал его однажды, до конца страдает от жажды.

Вдруг покрыты солнцем и росою стеночки над новенькой брусчаткою. Зданья — горы! Змейкою косою Селезнёвской лучик над сетчаткою.

ОКРЕСТНОСТИ МАСЛОВКИ

Во взглядах ваших, окна — ожиданье, ваш негасимый свет. И в свете вашем — предсуществованье того, что нет, вне ожиданья — нет.

Мир ночной, осыпанный огнями, в испарине тёплой воды плыл над нами и под нами.

Тень Петровской слободы.

И в свете вашем, окна — как пресуществленье беды в спасенье.

Я сюда возвращалась часто, приникала и прибегала. Пара лет растаяла настом, чтоб вернуться сюда сначала.

Развилка у Савёловского страшная вдруг распласталась крыльями светло. Привет тебе, когда-то сень домашняя, печальное тепло!

ПЕСЧАНАЯ ПЛОЩАДЬ

Вспоминаю голубиный дом, ставший испытаньем и судом. Судьбы шли как улицы и реки. В Божьем доме жили человеки.

Бывшая столица и — столица, быль от сотворения веков. Улица кирпичная змеится. Стены словно из мелков. Минус — восхваление империи, минус — не признанье Царства. Деньги на билет: почти доверие. Жизнь — весы: блаженства и мытарства.

Остановка в устье Магистральной: путь мне нарисован дальний.

От Ходынки — вправо поворот; улицы Песчаной виден брод. Косы над троллейбусом — по кругу; жизни, параллельные друг другу. Струны лип — их тонкие стволы. Здесь у почвы — строгий нрав золы. Охра — сверху, отпечаток бронзы. Кирпичные розы.

В год, ушедший не за сто рублей, было мне даров как кораблей.

Остановка возле Общества Слепых. Вид из окон: детский сад. Увенчает купол Всех Святых двух береговых домов фасад. Там, в разломе стен из кирпича, вечностью глядевшими доселе, выстрелом налево — тень грача. Стены храма и святые ели.

Около икон трещал паркет. Доски — наподобие ракет.

Покойники глядят с той стороны, и взор у них — не взор Небесных Сил. В нём ужас той великой глубины, когда Творец воды не разделил.

Так смотрела — словно бы не я — как уходит от меня семья.

ПАРК ВОЗЛЕ 67 БОЛЬНИЦЫ И ОКРЕСТНОСТИ

Ни жимолость, ни жасмин, растение разрасталось. Число моих именин покрыла его усталость.

В пронзительном сентябре, в палатах пустых и светлых, где слово — лишь о добре, где всякое слово — лепта.

После больничных процедур сидела на небольшом срубе в чащобе ветвей, похожей на пещерку. Утром солнце окутывало пещерку пёстрым покровом прохладных бликов.

Покоилась там душа, среди ветвей, будто в гроте. К ней холод идёт, шурша, покорный чужой заботе. Посетителей почти не было. Потому что можно уйти после обеда — до утра, и самой посещать — было бы кого, были бы силы. Но однажды визит был и ко мне. Как с другой стороны бытия: пугливый, сонный, с лёгким упрёком.

Налево легла река, и к ней подбиралась стройка. Два глаза у чудака увидели: стол и койка.

Осколочек бытия, и часть его отраженья. То, верно была — как я, усталое продолженье.

Направо — леса домов, обжитых пятиэтажек. Парящий клубок умов ветвями катил в овражек.

Округа населена, казалась совсем пустою. Излучина создана песчаною и густою.

Я здесь начинала жить, когда уже умирала. И не было друга: пить, воды речной пожелала.

ОТ ПЕХОТНОЙ К ЛЕНИГРАДСКОМУ ПРОСПЕКТУ

Восемнадцатилетний майор — навсегда. Хвои мягкой венок золотой. Как тропинка осенняя, листьев слюда. Ты прости меня, мой золотой!

Через сотню шагов, и две сотни шагов (никакие законы не объяснят) Будет грохот и горя житейского ров. Посмотри, как окошки горят!

Интеграл упований, число чистоты, стратегически верный расчёт, обозначенный радугой верх высоты, где последний иссякнул расчёт,

где пехота держала края бытия. Но едва развернулся проспект, расплескалась в напоминанье кутья, чтобы город от неба ослеп.

Чтобы вышли мы из-под ветвей и сетей в невозвратную первую быль. Чтобы не было солнца светлей и густей, чем твоё, невозвратная быль.

восток

МАТРОССКАЯ ТИШИНА

Мама! Прости меня за перекроенный мир. Тает запах сена и каши. Не спасёт золотой Радмир, малый герой вчерашний.

Справа — двухэтажное красное здание. Слева — двухэтажное красное здание. В глубине парка, за Майскими просеками — госпиталь. Оправдание, листок золотой осени.

Мама! Прости меня. Наша страна пахнет сеном и клевером, пахнет спиртом и сталью. Здесь игла звучит как струна и солнце кажется медалью.

Справа, над синей дорогой, красное здание. Слева, под солнцем из меди — красное здание. Я полюбила лохмотья, в которых я родилась. Мне дарили мороженым летним — страдание, но с блаженством не потеряется связь.

Мама! У этой страны есть тайное имя, и звучит оно — не Расея. В ней слезами алмазными золотыми предварят нас мытари и фарисеи.

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПАРК В КОНЦЕ ФЕВРАЛЯ

Вы меня простите, трамвайные жители, даже если прощать не за что. Потому что: темень, снег и Спаситель, и любая мысль — фарисейской мелочью.

Вы меня простите за то, что сыграла мытаря. За то, что совсем другая. Может быть, я пришла из рая. Как ладонь, из которой снег — открытая.

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПАРК ВЕСНОЙ

Сидел Адам напротив рая, рыдая и взывая.

«О рай мой! Где листья — очи! Зверёнышем рай носил».

Там были все дни и ночи, и не было там могил.

«О рай мой, сегодня плачешь, страдая моим грехом. Ты лик свой весёлый прячешь, и всё бытие — потом».

Крылья глазастые рая кружились, мне принесли они тихую милость. Был сладок тот плод, истекающий желчью, и вкус его близок земному наречью. Вкусив от плода, стала я наблюдать, как Божия тварь начала умирать.

«Но ты споболи, мой сладкий, хранителю твоих таин. Не суть — бытия загадки, собранные с окраин».

Но солнце — восходит солнце! — но вижу его закат. Вне времени веретёнце жужжит и зовёт назад.

В то время, где пчёлы и травы (меня от забот храня), где сад мой, мои дубравы и будто начало дня.

Но слава, и трижды слава всей твари земной Твоей. О раю мой! Ты — управа в юдоли земных кровей.

И ныне, раю мой, ты со мной вечной весной.

О раю, прекрасный раю, откуда пойду я в землю! Я — вся из тебя, я знаю, и твари — как раю — внемлю.

У ЧЕРКИЗОВСКОГО КЛАДБИЩА

Как по небу — Черкизова дорожки, чугунные ограды, наложенные свыше стёжки, землице талой рады.

На пригорке, почти в пещерке, с низкими расписными сводами спит ковчежец — словно по мерке тех, кто телом — плоть небосвода.

Ночью — отроки — спим в пещерке. Днём — народ — идём по пустыне. Только с книгами этажерки в дар назначены нам: отныне.

Посмотри, как уходит с глаз поколенье за поколеньем, покуда дети, (как репей — крапива — растенье) вдруг останутся — не на свете.

Озарится бронзовый свет, и придёт Невиданный — вслед.

В СОКОЛЬНИКАХ УТРО

Пешком — по небу, где мягкая земля, где вотчина была моя. Объятия Отчие мне отвори скорее!

Несут о возвращении весть. Земля моя! Окрест небосвода. Земля моя, свобода!

Хотела небо победить, теперь прошу я есть и пить.

Здесь дерево резное, цвета дёгтя, углы кивотов на твердынях белых стен.

СОКОЛЬНИКИ В КОНЦЕ ФЕВРАЛЯ

Будто посуху, по льду и по снегу, шла душа к дневному ночлегу. По дну площади с каланчою. Снег взошёл волною морскою.

Помню, как отец улыбался; а теперь поют об Отце. Стены дома — те же объятья, стены дома — в новом лице.

Святость постигают судьбою: не в кирпичных домиках счастье. Виновата — перед Тобою. За мои на Тебя напасти.

ВЕСЕННЕЕ УТРО В СОКОЛЬНИКАХ

Вышли Херувимы! Идут — Херувимы. Сердце ожидало их. Все печали умолимы, вестники живых.

Вышли Херувимы, тайнообразующе. Сердце не познает их вполне. Вдруг над ветром — ветерок, целующий. Спят следы грехов на океанской глубине.

Вышли Силы Небесные, нынче невидимо служат. Предваряют мир в небесной купине. Около пчела — воспоминанье, золотисто кружит. Спят грехов следы на океанской глубине.

Во сне иль не во сне.

Вышли Силы Небесные, вслед им души чистые приступят. Хочется вкусить, Дарам причастьем стать. Половиною земного, люди по-земному любят. То — приходит святость тихо; у святых —

и человечья стать.

Даром и молчанием, со трепетом и страхом. Смолкнет плоть, а мир настанет в полной мере. Оживает плоть, что показалась прахом; и не нужно спрашивать о мире и о вере.

На устах — ледок, во время Херувимской. Дивное грядёт, червонец неделимый. Около жужжит пчела земная, и кончина ходит близко. Только прежде — Власти и Начала, Херувимы.

СОКОЛЬНИКИ НАВСЕГДА

Названья просек Лучевых идут по номерам. Где Майская, там — листьев дым: послание кострам.

Лечебница во глубине леска, ладонь с шепоткою песка.

Умирает, не умирая озерцо у храма Святителя Тихона. На другом краю света: из рая — белостенная — Троица тихая.

Моя память села на мель, моё время выдохлось — хмель! Здесь — тайком — лежит карамель, трижды девять — детских — земель.

Местность создна для покоя. Возражения! Как вас много! Ведь не так далёко — мирское, но поближе к нам Око — Бога!

Бытие — дуновение, смерть — ещё одно дуновение.

Небо украшает дорогу. Страх обернуться может смехом. Обращение — вечно к Богу, к человеку — негромким эхом.

Вода и сон, сон и вода с ромашкой, когда приходит беда, когда слепит окон слюда, когда кричат колёса: навсегда!

Но человек — на то и Божья тварь, узнать словесный свой январь.

Послушай человечий голос, который — как в напитке волос.

Там рая водоём! Мы просим пить: всем бытиём.

Шеренги фрейлин-лип текут в воздушный крипт: шуршанье жёстких платьев. Откуда липам знать, что их ведут в огромный дом, где всё — всегда, где всё — потом.

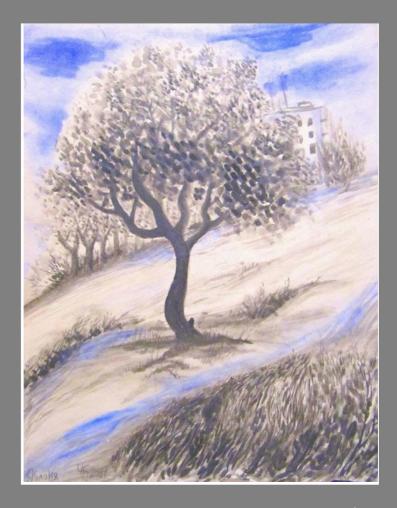
Нынче Иверской черёд: свечи. Занялся — народ.

Послушай голос человечий, знакомый, близкий, тихий, вечный!

Не потому что — человек. А потому что — Божий снег.

Смерть — таянье, как оттепель: ведёт, неназываемый полёт.

Рожденье — первый снег.

около яузы

ЕЛОХОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ: СЕМЬ УТРА, ОТТЕПЕЛЬ

Ветер с запада и юга, вплоть до третьих этажей. Ирисами пахнет вьюга, снег — любых цветов свежей.

Окружает южная зима полу-трёх-этажные дома, улицы Ольховской светлый локон, тени лет на веках окон.

Мне — как подростку без взрослых, вниз: угольком — перспектива! Верх: стены пишутся просто, стены как ноты мотива.

Стены — голубчиком тихим, крылья свои развернув, греют премножество — психе, нежат прохладой в жару.

Как сидела, не дыша, в плотяной избушке душа.

Не суждено разногласье, не осужденье — свобода. Голос трамвайный согласья, неба московского своды.

На подоплёке бытия ещё не свет, но будто радость. Сверхтщательнейший вития звучит; ненужное — распалось.

АРКА ЧАСОВНИ НА ОЛЬХОВСКОЙ

Забвение полощет плат среди холодных струй борея. Мне тёмно-серый камень — клад, весны дыханьем веет.

Разорванная нить легла смиренно под ступени. Нет, я не пела, не лгала, но были только тени.

И вот открылось бытие: холодный камень серый, Есть вера, мера, житие, и нет житейской серы.

Камень, ветвями проросший будет легчайшею ношей из всего бытия.

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ВАЛ

Трамвай полз подстреленной птицей, дух города добрый, и Ангел касался косицы жезлом — золотистою коброй.

Забраться на гору, на гору, свою Соколиную гору, как назло, укрытому вору, в подмогу поверивши скору.

Скорее, где вал Госпитальный, где холод — и в пекло — хрустальный.

Но если та душа, что нынче родилась, иль родилась не так давно — живая, найдёт в пыли простую связь меж сутей кладбища и мая,

да будет так. Усталый звон и далее спешит к Рогожской вагон. До ночи ходит он почти неведомой дорожкой.

НАБЕРЕЖНЫЕ

БЕРЕЖКОВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

Запах тока речного — прекрасен! Чуть волнуется влажный гранит. Вопреки настроениям басен, гладь речная фасады хранит.

Круг великий, куртины и парк. Запах светлой воды — светлый знак. Здесь княгиня речная лежит, здесь не русло речное, а щит. Ордена долгих стен хороши! Посмотри: позабудь — опиши. Слушай звук: золотистый кирпич посылает воинственный клич. Здесь великое небо легло, здесь надводное камня село! Посмотри: старых стен этажи — там рубцы, рубежи, рубежи.

Поцелую речную округу, и вернусь на кораблике — вспять. О, волна! Поцелуй же подругу,

чтобы встретиться нам вдругорядь.

ВИД НА НАБЕРЕЖНУЮ С ГОНЧАРНОЙ

Московских Соловков там корневища — цоколи; не Соловецкое подворье. Слоистое нагорье, где льдинки крохотные цокали.

Где стены в ветках валаамских (не Валаамское подворье) как крылья, прикрывают лаской Москвы нечаянное взморье.

Чтоб перейти обратно к Пятницкой, к Ордынке или к Чистопрудному, вся жизнь пройдёт. А время пятится; в нём тело — будто знак нагрудный.

Моста вдали графит над влагой Яузы лежит.

Но вверх бежит троллейбус синий, где стены — из воздушных линий.

Здесь разница высот — число судьбы моей, что встала на дыбы.

И ангел мой весенний, будто мама к Афонскому меня ведёт упрямо.

ДЕКАБРЬ: ВИД НА КОЖЕВНИКИ

Бывает жизнь: известье, как фото и конверт. Бывает жизнь: поместье; живущего в нём — нет.

Нынче — лёд поверх тел мостов крошится как мел. Кости торчат из кожи, города ложе.

Реки ледяной кинжал загнан под рёбра моста. Мост как живой лежал и кожа его чиста.

Непредставима вещь ближе, чем мост и стены. Неотвратима речь точно в конце вселенной.

Слышу ветер нездешней воли:
— Дух человечий! Видишь ли поле?

ВИД С КОТЕЛЬНИЧЕСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Вид с Котельнической: река, будто дом позабывший подросток. Нет на стенах нигде уголка без хирургических досок. Но смотрите, живые, вы! Посмотрите, как туча-память вопреки статиям молвы насылает — живую — замять.

Опускается Ангел луны на возвышенность: стайкою — сны. Время лунное смотрит на смерть. На листке имена напиши: о живых. Обновлённая твердь в переулке небесной глуши.

Образуется первый ледок: неизменность проверена множеством ног. Нарастаем, невольно скрепляясь, в пылевой порошок не стираясь.

Слушай водной границы гранит: нутряная извёстка с тобой говорит.

Так с тобой говорят нутряные леса; так погашенной известью спят чудеса.

Не кори, а прими; хоть — за имя любви! Ты любое мгновенье здесь — волны — лови. Я — лишь точка, пространство — навеки твоё. Здесь иное построено свыше — жильё. Здесь вовеки Москве — времена озарять. Мощи стен никогда, никому и никак не изъять. Клевете здесь пылинки не взять.

РИСУНКИ АВТОРА